

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

Рэдсайдская история

FAN|ZON

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф96

Jasper Fforde
RED SIDE STORY

Copyright ©2024 Jasper Fforde
All rights reserved including the rights of reproduction
in whole or in part in any form

Иллюстрация на обложке *KillinKel*
(Минакова Кира Сергеевна)

Ффорде, Джаспер.
Ф96 Рэдсайдская история / Джаспер Ффорде ; [пе-
ревод с английского Н. Некрасовой]. — Москва :
Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-211285-0

Представьте себе мир, в котором ваше положение в обще-
стве зависит от того, как вы воспринимаете цвета. Именно в
таком мире живут Эдди Бурый (красный, средний уровень в
обществе) и Джейн Мятлик (зеленая, бывшая серая до теста
Исихары). Эдди и Джейн должны разобраться в тонкой хро-
матической политике, чтобы выяснить, что же на самом деле
представляет собой «То, Что Случилось», как мир стал таким,
и, что особенно важно, есть ли за пределами их острова «Где-
то-там» — и если есть, то может ли существовать и «Кто-то»,
чья невидимая рука управляет судьбами и несчастьями нации
на протяжении последних 500 лет?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-211285-0

© Н. Некрасова, перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается Кэролайн —
с восхищением и благодарностью*

До того, как я встретил Джейн Серую, я видел только частичку моего мира. После встречи я вижу больше, чем когда-либо. Это ужасало меня тогда, ужасает и сегодня.

*Эдди Бурый,
Восточный Кармин, Западный Красный Сектор*

Добро пожаловать в Восточный Кармин

1.01.01.01.08(ii): Этот Коллектив должен называться Хроматация; он должен быть разделен на четыре Сектора, а именно Красный, Зеленый, Желтый и Синий; каждый Сектор должен разделяться на четыре района, а именно Северный, Южный, Восточный и Западный. В каждом Секторе и каждом районе будет Административный центр. Для особых определений см. подраздел 1.01.01.02.08(iii)

Из «Книги Гармонии Манселла»

Меня зовут Эдди Бурый, но носить мне это имя осталось всего два часа и девять минут. После моего брака с Виолеттой я приму престижную династическую фамилию де Мальва, но в течение следующих двадцати семи часов я узнаю, что я вовсе не Эдди Бурый, а объект с обозначением HE-315-PJ7A-M. Три дня спустя после короткого пребывания Бурым снова, я с неохотой приму имя Алып, потом снова быстро стану де Мальвой, но менее чем через сорок восемь часов после этого я решу полностью избавиться от фамилии на основе цвета.

Все это происходит на фоне опасностей: мы с Джейн чуть не подцепили Плесень, группа Желтых пыталась убить нас, и вездесущая Зеленая Комната манила нас своими коматозными смертоносными чарами.

Еще мы встретили одного Железного Дровосека, одного Бандита и одного Ангела, посланного нашим соб-

ственным Создателем, который потом тоже пытался убить нас — трижды.

Но все вышло не так уж и плохо. По крайней мере, нам с Джейн удалось разгадать тайну существования. Не ту самую главную тайну, должен заметить, только нашу собственную. И мы также узнали, что в расхожей фразе — ты не вернешься домой — есть сермяжная правда. И в этом проблема. Мы свободны, здоровы и готовы жить полной жизнью вместе вдали от Цветократии. Это должно было бы стать поводом для праздника, но нет: мы хотели улучшить наш мир, а не покинуть его. Скоро вы будете вместе с нами изучать наш новый дом, разделять наши восторги, но не сейчас.

* * *

Поезд прибытием в 13:42 подошел к платформе четко по времени, но не по географическим координатам. То есть прибыл-то он вовремя, но остановился не там, где надо. Существовали строгие Правила касательно непунктуальности по времени, но неверного места остановки они не касались. Подобная лазейка позволяла нам сохранять приверженность четким Правилам, регулирующим наше общество, но оставляла возможность поддерживать рабочую практичность.

Локомотив с шипением выпустил горячий воздух, как только поезд остановился с мягким мелодичным жужжанием гироскопов, удерживавших машину на монорельсе. Поезда ходили через сутки — раз утром, раз днем — и их прибытие всегда становилось событием: спокойный застой городка прерывался приездами, отъездами, почтой, новостями, грузами и поставками.

Грузоотправитель направился к дальнему концу платформы надзирать над Серыми, которые меняли сырье на готовые рулоны линолеума, в то время как почтальон забрал сумку с письмами и быстро ушел. Начальник станции, как обычно, стал вяло переругиваться с ма-

шинистом по поводу пунктуальности. Я переглянулся с контролером прибытий, до зубовного скрежета противной Желтой по имени Банти Горчичная. Она была на несколько лет старше меня, имела маленький носик-пуговку скромной заурядности и упорно носила Стандартный каждодневный женский костюм № 16, больше походивший не на платье, а на палатку-купол. Больше никто такого не носил, даже в насмешку.

— Попридержи язык на время встречи приезжих, Бурый, — прорычала она. — Совет велел мне докладывать обо всех нарушениях с *максимальной* предвзятостью.

— Ты намерена преувеличивать любую мою потенциальную провинность?

— В точку. Так что следи за собой.

Она не шутила. Желтые обожали контролировать, примерно как белкоид обожает разбирать штифты и прижимные шайбы. Она не упустит ничего, за что я вообще мог бы получить взыскание. Желтый, собравший большое количество баллов, наверняка получил их не за достойное исполнение общественного долга, а за стукачество.

— Делай свое дело, — сказал я, — а я буду делать свое. У тебя бант не съехал?

Банти глянула на свое отражение в окне поезда. Ее головное украшение, строго соблюдающее установленный Правилами размер, было, конечно, в полном порядке.

Желтые часто использовали транспортеры для проверки бантиков у девушек, которых считали недостаточно оптимально одетыми, и если находили отклонение плюс-минус на три градуса, это стоило пяти штрафных баллов. То же было с узлами галстуков у мальчиков, только потенциальных штрафных баллов добавляли тип узла, аккуратность или чересчур артистическая интерпретация. Горе любому с незаправленной рубашкой, плохо отглаженной одеждой или недостаточно подтянутыми носками.

— Бант у меня сидит безупречно, — сказала она, прозвив меня раздраженным взглядом, — как всегда. А ты клеветешь — как всегда. Чем скорее этот город избавится от тебя, тем лучше будет для всех нас.

— Ты не думала открыть собственные курсы хороших манер, Бантс?

— Курсов хороших манер не существует, мистер Бурый, так что твой комментарий банален и пуст. И не называй меня Бантс. Так меня могут называть только самые близкие и дорогие друзья.

— Стало быть, никто так тебя не зовет, верно?

Обменявшись колкостями ради собственного удовлетворения, мы выдвинулись приветствовать пассажиров.

Первыми вышла труппа странствующих артистов, все с оранжевыми кружками на лацканах или куртках своих предписанных Дорожных каждодневных № 6. Они были веселыми и дерзкими, как полагается актерам, и я приветствовал их от имени Восточного Кармина, в то время как Банти вписывала их имена и данные в декларации. Зачем — никто не знал: декларации старательно регистрировались, подшивались, затем через восемь лет перерабатывались в чистые бланки деклараций. Так требовали Правила. Правила много чего требовали.

— Мы приветствуем ваши приветствия и благодарны вашим благодарностям, — заявила глава труппы, театрально взмахнув рукой сначала в мою сторону, потом Банти, затем в направлении Серых Носильщиков. — Мы — «Мандариновая Труппа», а «Мандариновая Труппа» — это мы, прославленные по всей Хроматации своей удалью и спектрально-совместимыми постановками. Смех, слеза, улыбка — и после лицецерения нашей живой и яркой игры ваша непоколебимая приверженность неразделимому единству, силе и великолепию Хроматической Гармонии утвердится навечно. Разъединенные, мы все же вместе, но только вместе можем мы как должно принять эту разделенность.

— Хорошо сказано, — отметила Банти, всегда готовая похвалить тех, кто продемонстрировал непоколебимую поддержку Цветократии.

— Благодарю.

Глава труппы бросила взгляд на желтый кружок Банти и 5000-балловый бейдж заслуг под ним. Это демонстрировало ей, что Банти в первую очередь Желтая и, во-вторых, очень хорошая Желтая. Как блюстителей Правил, Желтых терпеть не могли во всем Коллективе.

Некоторые говорили, что это совпадение, но риск случайно утонуть в болоте повышается втрое, если ты Желтый.

Глава труппы мгновение рассматривала меня, затем спросила:

— Мы прежде не встречались?

Я сразу узнал ее, поскольку я редко — практически никогда — не забывал таких интересных носиков: маленький и вздернутый, как у ребенка. Впечатление было такое, будто он перестал расти в девять лет, и ее взрослое тело просто выросло вокруг него.

— В Нефрите, — сказал я. — Три года назад.

Я тогда помогал устанавливать сцену и получил должность реквизитора: рабочих сцены всегда набирали на месте, как и актеров на эпизодические роли, обычно из Любительского театрального общества. Мой добрый друг Фентон получил роль без слов и рассказывал всем, кто соглашался слушать, что собирается стать актером. Но не имея желтого в спектре своего зрения, он не мог стать Оранжевым, так что актерство ему не светило.

— Помню, в Нефрите была очень благодарная публика, хотя малость склонная покашливать, но местность там довольно приятная.

С этими словами она окинула взглядом мрачные окрестности Восточного Кармина. Пейзаж был жарким и пыльным, трава от летней жары выгорела, железнодорожная станция была старой, обветшавшей и совсем

бесцветной, поскольку в городке практически не было синтетического цвета. Высокая колоризация, обычно обеспечиваемая цветовыми трубками, была для богатых и имеющих связи, а такие люди, как правило, живут не дальше окрugsи столичного Смарагда, также известного как Изумрудный город.

— Здесь, на Окраинах, было жаркое лето, — извиняющимся тоном сказал я. — Без регулярных ночных дождей у нас, так скажем, вообще дождей не было бы.

Я должен был бы чувствовать себя комфортнее здесь, в Западном Красном Секторе, среди людей моего оттенка, но в этом была и обратная сторона: Правила требовали, чтобы всех хоть немного недисциплинированных выдворяли на периферию Коллектива, туда, где они меньше влияли бы на общество. Из-за этого Окраины были перегружены людьми с тяжелым характером, отчего жизнь тут становилась более трудной — но, возможно, куда более интересной.

— Там есть еще что-то? — спросила руководительница труппы, показывая на холмы на западе.

— Мы на самом краю известного мира, — заметил я, проследив ее взгляд. — Там нет ничего, кроме дикого рододендрона, мегафауны, шаровых молний, Бандитов и опасностей.

— Кровавый подбой государства, — задумчиво протянула она. — Что ты такого сделал, раз тебя отправили сюда? Мне кажется, в Нефрите жизнь проще и ярче.

— Я сопровождаю отца, — с вызовом ответил я, — который сейчас служит городским Цветоподборщиком.

По правде говоря, меня отправили сюда проводить перепись стульев — бесполезная работа, которая обычно доставалась тем, кто проявил раздражающий уровень изобретательности, любопытства или свободомыслия, но еще недостаточный для переобучения, обычно называемого «Перезагрузкой». В моей изобретательности не было ничего бунтарского: просто более эффективный

метод очередизации. Префектам не слишком понравилась эта идея, но с радостью могу вам сказать, что моя система «возьмите номерок, и вас вызовут» была принята здесь, в Восточном Кармине, и этим я справедливо могу гордиться.

— Ясно, — сказала глава труппы, которая поддерживала легкую беседу, пока Банти избыточно усердно заполняла декларации. — Не знаете, когда сюда в последний раз приезжала труппа странствующих актеров?

— Двенадцать лет назад.

Мандариновые актеры облегченно закивали. Существовало всего восемь трехактных пьес, двенадцать одноактных и сорок шесть учебно-просветительских сценок, допущенных к постановке, и при постоянном их показе интерес публики неуклонно снижался, как и аплодисменты.

Как только Банти покончила с декларацией, я направил труппу к потрепанному «Форду-Т», который ждал у здания вокзала. Местный Смотритель, Карлос Фанданго, уже сидел наготове в водительском кресле.

— У нас зрители размещаются на траве, — сказал я им. — Господин Циан, Синий префект, встретит вас на главной площади, чтобы показать вам город.

Актеры сошли с платформы к ожидающей их машине, болтая между собой в той оживленной манере, которая, будь они кем-то другим, могла бы считаться невоспитанной в смысле громкости и фривольности. Следующие несколько пассажиров были более заурядными: какой-то натуралист из Зеленого Сектора, собиравшийся изучать прыгучего козла, двое Серых, прибывших точить жернова, затем координатор Сектора от Ярмарки Беспорядков¹, чтобы провести окончательные переговоры перед началом Ярмарки.

¹ Явная отсылка к «Ярмарке Тщеславия» У.М. Теккерея.

— Надеюсь, ваши велосипедисты сработались? — с тревогой спросил он. — Красному Сектору как никогда нужна победа в этом году.

— Они очень усердно практиковались, — сказала Банти. — Я сама за этим присматривала.

— Хорошего шоу. Разъединенные, мы все же вместе.

Это избитое приветствие сделалось почти что пустым набором звуков, из-за частого повторения его смысл выветрился, и теперь оно стало лишь словесной смазкой для колес социализации. Его так часто повторяли, что никто уже не задумывался над ним. Когда задумываешься, люди умирают.

Национальная служба цвета

Через три года должен был произойти IV Технологический Скачок Назад, и все опасались худшего. Поговаривали, что монорельсовые поезда будут устранены вместе с «Фордами-Т», электрическим светом, гелиостатами, велосипедами и телеграфией. Любая отдельная отмена вызвала бы сильную досаду, но все отмены вместе привели бы к катастрофе: Хроматация стала бы куда более мрачным миром после запрета транспорта, спорта и коммуникации, а деревни, города и столицы Секторов, из которых состояло государство, еще сильнее замкнулись бы в своих границах.

Тед Серый: «Двадцать лет среди хроматийцев»

— Я презираю мутноцветных, чурающихся труда и плохо воспитанных, — сказала Банти, пока мы ждали появления очередного пассажира. Думаю, она имела в виду актеров, поскольку их непроизводительная роль часто рассматривалась как бесполезная для общества.

— Ты весьма беспристрастна в своем отвращении. Сдается, ты одинаково ненавидишь все цвета любого оттенка.

Она мгновение пристально смотрела на меня, прикидывая, как мне думается, не вышел ли я на уровень дискуссии, достойный дисциплинарного взыскания. Банти Горчичная была не просто Желтой: после смерти Кортленда Гуммигута ее внезапно повысили до Заместителя Желтого префекта города — ее положение среди местечковых Желтых стало результатом ее теста Исихары

двухлетней давности. Тест Исихары был определяющим моментом в жизни внутри Коллектива: как только становится известно, какой цвет и в какой степени ты видишь, ты точно понимаешь свое место в жесткой иерархии Цветократии. Ты знаешь, что делать, куда идти и чего от тебя ждут. Взамен ты безропотно принимаешь свое положение в обществе, как это изложено в «Книге Гармонии» Манселла. Твоя жизнь, карьера и положение в обществе определяются прямо здесь и сейчас, и тревога неопределенности исчезает раз и навсегда. В прошлом месяце я прошел свой собственный тест и показал исключительно высокие результаты в видении красного — с чем мне еще предстояло сжиться.

— Эти мутноцветные, как ты их называешь, так же полезны для Коллектива, как и все прочие, — ответил я, перефразируя Правила, как любят делать в отношении других Желтые, но не любят слышать такое сами. — «Между Желтым и Красным находятся Оранжевые, для развлечения и искусства, а между Желтым и Синим находятся Зеленые, для разведения растений и прикладной пленэрологии — все они необходимы для бесперебойного функционирования Коллектива». Но скажи мне, Банти, твое определение мутноцветности также включает тех, кто находится между Синим и Красным?

Она злобно глянула на меня, поскольку к таким цветам относились Сиреневый, Фанданго, Лавандовый, Сливовый, Мальва, Маджента и, в конце концов, Пурпурный — высшие слои общества.

— Чем скорее город от тебя избавится, тем лучше, Бурый. Как только тебя надежно укутут в Зеленую Комнату за убийство Кортленда, не будет человека счастливее меня, за исключением, наверное, его матушки.

— Я не убивал Кортленда, Банти.

— Ври больше.

Надо заметить, что Банти Горчичная была помолвлена с Кортлендом Гуммигутом, а мамаша Кортленда была действующим Желтым префектом. Честно говоря, дразнить

любую из них глупо, но досадить Банти было особым удовольствием, несмотря на риск.

— Ты такая милашка, Бантс.

Она открыла было рот, но снова захлопнула его, когда к нам подошел очередной пассажир. На его правом лацкане красовался эффектный никелевый многоцветный бейдж, говоривший о том, что он из Национальной Службы Цвета, и по его виду было понятно, что он оперативник низкого уровня, из тех, кто разбирается, что к чему, прежде, чем делу дают дальнейший ход.

— Добро пожаловать в Восточный Кармин, сэра, — сказал я. — Наш дом — ваш дом. Разъединенные, мы все же вместе.

— Воистину, — ответил оперативник, которого, как мы узнали, звали Джейсон Кальвадос. — Я приехал утром из Изумрудного города и уеду на следующем поезде. Когда он будет?

— Послезавтра.

— Тогда я ваш гость на две ночи.

— И мы покажем себя замечательными хозяевами, — уверил я. — Могу я задать вопрос?

— Это касается цветоподающих труб и полной колоризации?

Я кивнул. Национальную Службу Цвета о другом не особо спрашивают. Подача по трубам ГПЖЧ¹ означала в перспективе Цветной сад полного спектра, видимый всем, где оттенки цветов, травы и деревьев подавались по трубкам и капиллярам у нас под ногами.

— Мне жаль, но новые линии питающих трубок в состоянии ожидания, пока мусороцветные преобразователи не будут усовершенствованы. Всем бы нам хотелось иметь Цветные сады полного спектра, но без сырья, поставляемого добрыми людьми вроде вас, полной колоризации никогда не достичь. Кстати, как у вас с цветодобычей?

¹ Палитра голубой-пурпурный-желтый-черный.